

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить людей, превративших невыполнимую задачу в просто трудную.

Сью Болтон и Эдварда Брайанта за то, что прочли книгу, которая была написана вместо той, которую ждали другие. Табиту и Стива Кингов за долгий и непростой марафон чтения... и за слова поддержки, которые за ним последовали. Ники Гернольда за объяснение механизма телепатии. Бетси Митчелл за демонстрацию смелости наших общих убеждений. Эллен Датлоу за то, что полюбила (и купила) рассказ, с которого все началось, десять лет назад. Ричарда Куртиса, необыкновенный профессионализм которого помог избежать путаницы. Математика Иэна Стюарта, сумевшего вызвать страстный отклик у математически неграмотного человека. Карен и Джейн Симмонс за их любовь, поддержку и терпение, когда я упорно пытался снова превратить просто трудную задачу в невыполнимую.

Кроме этих чудесных людей, я должен поблагодарить и тех, кого с нами уже нет: Данте Алигьери, Джона Карди, Т.С. Элиота, Джозефа Конрада и Фому Аквинского. Все они исследовали — гораздо глубже и выразительнее, чем позволяют мне мои способности, — навязчивую тему...

*Блуждание меж двух миров,
меж миром мертвым
и миром неродившимся.*

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Данте. «Рай» XVII¹

Те глаза, что не смеют сниться,
В сонном царстве смерти
Мне не являются.

Т.С. Элиот. «Полые люди»²

---

¹ Пер. М. Лозинского.

² Пер. Н. Берберовой.

Тень твоя вечером

Джерemi Бремен вышел из больницы, где умирала его жена, и поехал на восток, к морю. В этот необычно теплый пасхальный уикенд жители Филадельфии устремились за город, и в плотном потоке машин Бремену приходилось внимательно следить за дорогой, оставив лишь тончайшую связь с сознанием жены.

Гейл спала. Болеутоляющее подействовало, но сны ее были беспорядочными и тревожными. Она искала мать в бесконечной анфиладе комнат, заставленных викторианской мебелью. В сознании ее мужа картины из этих снов смешивались с вечерними тенями сосновых лесов Пайн-Барренс. Гейл проснулась, когда он съезжал с автострады, и в те несколько секунд, когда она еще не чувствовала боли, Джерemi увидел яркую полоску солнечного света на синем одеяле в ногах кровати, ощутил легкое недоумение, когда жене показалось — всего на секунду, — что теперь утро на ферме.

Мысли Гейл потянулись к нему, как только вернулась боль, пронзившая левый глаз, словно тонкая, но невероятно острая игла. Бремен поморщился и уронил монетку, которой собирался расплатиться за платный участок шоссе.

— Что-то не так, приятель? — спросил принимавший плату служащий.

Бремен покачал головой, выудил из кармана доллар и не глядя сунул его в руку мужчины в будке. Потом он бросил сдачу в захламленный бардачок своего «Триумфа» и сосредоточился на управлении маленьким автомобилем, пытаясь отгородиться от боли жены. Боль медленно затихала, но тревога захлестывала его, словно волна поднимающейся изнутри тошноты.

Гейл быстро взяла себя в руки, несмотря на полотнища страха, плескавшиеся на границе ее сознания.

Она мысленно заговорила с Бременом, сузив спектр передачи до симуляции голоса:

Привет, Джереми.

И тебе привет, малыш. Отправив эту мысль, мужчина свернул к острову Лонг-Бич. Потом поделился картинкой — яркая зелень травы и сосен под золотистым апрельским солнцем, тень спортивного автомобиля, прыгнувшая на плавный изгиб насыпи дорожной развязки. Ветер принес с побережья неповторимый запах соли и разлагающихся водорослей — им Бремен тоже поделился с Гейл.

Чудесно. Мысли умирающей женщины текли медленно, заторможенные болью и наркотиками. Почти лихорадочным усилием воли она цеплялась за образы, которые ей посылал муж.

Приморский городок выглядел не слишком привлекательно: обшарпанные рестораны с меню из морепродуктов, непомерно дорогие мотели, построенные из дешевых шлакоблоков, бесконечные пристани... Но привычный пейзаж успокаивал, и Бремен постарался передать его во всех подробностях. Жуткие приступы боли прошли, Гейл начала расслабляться, и на мгнове-

ние ее присутствие показалось Джереми настолько реальным, что он повернулся к пассажирскому сиденью, обращаясь к жене. И не успел скрыть разочарование и растерянность, которые тут же передались ей.

На подъездных дорожках к расположенным на берегу домам люди выгружали вещи из вместительных универсалов и тащили корзины с поздним ужином на пляж. Вечерние тени несли с собой холод ранней весны, но Бремен, направив машину на север, к Барнегат-Лайт, сосредоточился на свежем воздухе и теплых полосах солнечного света. Скосив взгляд направо, он увидел рыбаков, стоявших в воде у самого берега, — их тени резко выделялись на фоне белой пены прибоя.

Моне, — подумала Гейл, и Джереми кивнул, хотя на самом деле эта картинка вызывала у него ассоциации с Евклидом. — *Математик до мозга костей*. — Боль вернулась, и мысли женщины прерывались. Обрывки предложений разлетались, словно брызги от белых волноломов.

Бремен остановил «Триумф» около маяка, вылез из машины и зашагал через невысокие дюны к пляжу. Там он бросил на песок ветхое одеяло, которое они с Гейл столько раз приносили на это место. Мимо него к воде с криками промчалась стайка ребятишек. Они были в купальных костюмах — несмотря на холодную воду и быстро остывающий воздух. Девочка лет девяти с длинными белыми ногами и, вероятно, в прошлогоднем купальнике, из которого она уже выросла, резвилась на мокром песке, исполняя некий сложный, бессознательный танец в паре с морем.

Свет за окном, закрытым жалюзи, стал меркнуть. Медсестра, от которой пахло сигаретами и несвежей пудрой, сменила лекарство в капельнице и сосчитала

пульс больной. Переговорное устройство в коридоре о чем-то громко и требовательно вещало, но усиливающийся туман боли мешал разобрать слова. Около шести пришел доктор Сингх и ласково заговорил с Гейл, но она не слушала его и смотрела на дверной проем, где должна была появиться медсестра с заветным шприцем. Прикосновение ватного тампона к руке обещало избавление от боли, и умирающая с точностью до секунды знала время, через которое морфий подействует в полную силу. Врач тем временем что-то говорил:

— ...ваш муж? Я думал, он останется на ночь.

— Прямо здесь, доктор. — Гейл похлопала по одеялу и одновременно по песку.

Бремен натянул нейлоновую ветровку, защищаясь от ночного холода. Звезды были закрыты высокими облаками, сквозь которые изредка проглядывало небо. Далеко в море, у самого горизонта, медленно плыл неправдоподобно длинный нефтяной танкер. Окна домов на первой линии за спиной Джереми отбрасывали на песок дюн желтые прямоугольники света.

Ветер принес запах жарившегося на огне мяса. Бремен попытался вспомнить, ел он сегодня или нет. Желудок скрутило от боли — не слишком сильной, поскольку наркотик уже подействовал на Гейл. Нужно вернуться в ночной магазин у маяка и съесть сэндвич, подумал Джереми, но потом вспомнил, что в кармане его куртки все еще лежит шоколадный батончик, купленный на прошлой неделе в торговом автомате во время дежурства в больнице. Он стал жевать окаменевший арахисовый брусок, наблюдая за сгущавшимися сумерками.

Из больничного коридора доносилось эхо шагов. Как будто там маршировала целая армия. Топот ног, звяка-

ные подносов, приглушенные голоса санитаров, разносящих ужин другим пациентам, — все это напомнило Гейл детство: она лежит в кровати и прислушивается к доносящимся снизу звукам вечеринки, которую устроили родители.

Помнишь вечеринку, на которой мы познакомились? — мысленно спросил Бремен.

М-м... — Его жене было трудно сосредоточиться. Морфин проигрывал сражение с болью, и черные пальцы паники уже хватались за край ее сознания. Игла позади глаза словно раскалилась докрасна.

Джереми попытался отправить Гейл образы с вечеринки Чака Гилпена, на которой они встретились десять лет назад, воспоминания о той первой секунде, когда их разумы открылись друг другу и они поняли: *Я не одинок*. И как следствие: *Я не фрик*. Там, в битком набитом людьми доме Чака Гилпена, среди бессвязной болтовни и еще более хаотичного потока мыслей преподавателей и аспирантов, их жизни навсегда изменились.

Едва переступив порог — хотя кто-то уже успел сунуть ему в руку стакан со спиртным, — Бремен вдруг почувствовал рядом собой еще один ментальный щит. Он осторожно прощупал этот щит, попытался преодолеть его, и мысли Гейл ударили в него, словно лучи прожектора в темной комнате.

Оба были потрясены. Первая реакция — укрепить ментальный щит, свернуться в клубок, как испуганный броненосец. Но вскоре каждый обнаружил, что беззащитен перед бессознательным и почти невольным прощупыванием другого. Они еще не встречали настоящих телепатов — только людей с примитивными, неразвитыми способностями. Оба считали себя не такими, как все люди, — уникальными и неуязвимыми. И вот они

словно стояли обнаженными друг пред другом — в пустоте. Секунду спустя, сами того не желая, они затопили друг друга потоками образов, представлений, полустертых воспоминаний, секретов, чувств, предпочтений, ощущений, тайных грехов, неоформленных желаний и укоренившихся страхов. Они ничего не скрывали друг от друга. Неприглядные поступки, сексуальные эксперименты, предрассудки — все это смешивалось с воспоминаниями о прошедших днях рождения, бывших любовниках, родителях, а также с бесконечным потоком мелочей. Даже супруги, прожившие в браке пятьдесят лет, редко бывают так близки, как стали Джереми и Гейл в тот момент.

Минуту спустя они впервые увидели друг друга.

Луч маяка Барнегат проходил над головой Бремена каждые двадцать четыре секунды. Теперь в море было больше огней, чем вдоль темной линии берега. После полуночи поднялся ветер, и мужчина плотнее закутался в одеяло. Во время последнего обхода медсестры Гейл отказалась от укола, но ее мысли все равно путались. Контакт поддерживался исключительно силой воли Джереми.

Гейл всегда боялась темноты. За девять лет брака он много раз ночью тянулся к ней, рукой или мыслью, пытаясь успокоить ее. И теперь она снова была той маленькой девочкой, испуганной и одинокой, на втором этаже большого старого дома на Берлинггейм-авеню. В темноте под ее кроватью притаилось что-то страшное.

Преодолев ее боль и страх, Бремен поделился с ней шумом волн. Он рассказал ей о проделках их трехцветной кошки Джернисавьен, а потом лег в углубление в песке, копируя положение тела Гейл на больничной койке. И она медленно расслабилась, уступила его мы-

слям. Ей даже удалось подремать несколько минут без морфия, и ее сны были наполнены звездами, мерцавшими в просветах между облаками, и резким запахом Атлантики.

Джереми рассказал о том, что успел сделать на ферме за неделю — немного, в перерывах между дежурствами, — и поделился изысканной красотой уравнений Фурье, написанных мелом на доске в его кабинете, а также солнечной радостью от посаженного у подъездной дорожки персикового дерева. Он передал Гейл воспоминания об их лыжной прогулке в Аспене год назад, свой испуг от неожиданно осветившего берег прожектора невидимого корабля. Потом стал мысленно повторять те немногие стихи, которые помнил, но слова ускользали, уступая место чистым образам и чувствам.

Ночь все не кончалась, и мужчина делился ее чистой свежестью, окутывая каждый образ теплым одеялом любви. Рассказывал о всяких мелочах, о надеждах на будущее. С расстояния семидесяти пяти миль он протянул руку и коснулся руки Гейл. А когда задремал на несколько минут, то поделился с ней своими снами.

Гейл умерла незадолго до рассвета, когда небо на востоке только начало светлеть.